

ВНУКИ ЕДУТ!

ВИКТОР РЕМИЗОВ

Родился в 1958 году в Саратове. Писатель, журналист. Лауреат премии «Большая книга» (2021) за роман «Вечная мерзлота», финалист премии «Национальный бестселлер» (2017), финалист премий «Студенческий Бунер» (2014), «Русский Бунер» (2014), «Большая книга» (2014).

Дед возвращался тропой по льду озера, уже обогнул остров, отсюда недалеко осталось, и все его Ключи стало видно. Белые-белые они нынче, избы по косогору будто в пуховых платках сидят и на озеро смотрят заколоченными окнами. Сосняк зеленеет над деревней, золотится стволами под вечерним солнцем. Длинная синеватая тень впереди и сбоку деда спешит, отмахивая руками.

Торопится Тимофей Степаныч, себя не чувствует. Ходил через озеро дочке звонить – у него в Ключах телефон не берет – и вот те на! Внуки к нему собрались! Дед чуть из штанов не выпрыгивает, то головой затрясет удивленно, а то и припляшет на ходу.

Внуков у него двое. Тимофей и Степан. Тимофею двадцать, Степану пятнадцать скоро. Последний раз в августе были. Почти неделю. Раньше одиннадцати, правда, не вставали, но накупались, в лес по грибы сходили, рыбу половили... Мелькнула та неделя, и не нагляделся на внуков. Долго потом растерянный ходил, ругал себя, что не посидел, не поговорил с ними толком...

И вот он летит домой, а сам все вспоминает. «Дедуня, – это Тимоха по телефону кричит. – Соскучились, ужас! Едем! Баню топи!»

Дед разделся, дров в печку накидал, макароны на плиту поставил разогреть. Машинально все делал, сам соображал, что бы им такого приготовить... «На рыбалку сходим, это ясно, вечером в баню, дрова

они в прошлом году кололи, соревновались... довольные были».

Тимофей Степаныч невысок, худоват, глаза серые, с мягким прищуром, щеки по причине одинокой жизни всегда заросшие седой щетиной. Только по привычке бреется он раз в неделю, после бани.

Родился он семьдесят два года назад в этих лесных тверских местах. В шестнадцать лет уехал в Питер, в фабрично-заводское училище, и потом почти сорок лет там прожил. Работал на заводе, женился, дочка Таня родилась, потом жена померла... Когда второй внук Степа родился, жить впятером в двух комнатах стало тесновато, и Тимофей Степаныч уехал на родину. Думал, на время, пока ребята квартиру получат, но квартиру им так и не дали, и он прижился.

Ключи за эти пятнадцать лет совсем опустели, он один остался на всю деревню. Даже электричества не стало – провода на металлолом снимали. Ближайшие люди жили через озеро, в трех километрах.

Какое же нынче? Дед хоть и помнил, а пошел глянуть на численник – пятое марта... Мальчишки, бог даст, седьмого приедут, вечером. Получается, в праздник восьмого с ним будут... Дед перевернул красный лист календаря. Девятое тоже был выходной. Часиков в одиннадцать-двенадцать обратно поедут. «Чаю попьем, посидим, друг на друга посмотрим...» Тимофей Степаныч в который раз представлял, как они заходят в дом...

Кровь, как соскучившаяся собака, начинала скакать по жилам, и он, не надев шапки, озабоченно зашпешил из избы во двор, к поленнице, словно ребята прямо вот-вот должны были явиться, на озеро за водой сбегал обледенелой тропкой.

Утром затемно поднялся, лампу не зажигал, от раскрытой печки огня хватало. По привычке к одинокому житью, безошибочно, на ощупь хозяйничал у покрасневшей от жара плиты. Кочережкой гремел, печными кружками, наливал чайник, ставил собаке подогреть, хлеба крошил...

Кашу для прикормки рыбы он еще с вечера сварил и теперь, полив постным маслом, перемешивал в кастрюле. Принюхивался задумчиво. Не очень-то внуки любят рыбалку, вроде и любят посидеть, когда клюет, но настоящей страсти нет. Он думал дальше, вспоминал по очереди Степана и Тимоху и с удивлением обнаруживал, что никогда и никакой страсти в их глазах не видел. «Что же они любят-то?» – замислился, недоумевая.

Чуть светать начало, на озеро вышел – в руках бур, черпачок в валенке за голенищем, рюкзак с прикормкой за плечами. Солнце еще не поднялось, седовато по небу, все кусты и камыши вдоль берега осыпаны пушистым инеем. Дальний конец озера совсем не виден в морозном тумане. Тимофей Степаныч скрипел валенками по снегу, про жизнь раздумывал на ходу. Про свою бобылево существование на озере... но главное – все про жизнь внуков в городе думал. Было ему радостно, что они приезжают, но и малость горько. Не любили они ни дедовы Ключи, ни Белое озеро. Хрен знает какую Турцию любили, Таиланд, и ездили туда дружно, всей семьей, дед прямо завидовал недобро этому далекому Таиланду... Да что с этим было делать? Вроде и старался для них, из кожи вон лез, да как все это полюбишь за выходные? Приедут на два дня... По-хорошему пожить бы надо, по лесу походить-посмотреть, сделать чего-то по хозяйству. Сделать – это важно! Чтобы твой труд тут был. Баню, к примеру, могли бы новую поставить. Четыре мужика вместе с отцом! Теперь бы приехали, а тут их баня! Вместе, своими руками срубленная. Таковую и топить весело.

Деду представлялось, как они встают утром. Дружно. Степка бежит за дровами, печку затапливает. Дед на него ругается, что без шапки. Тимохайца собирается бить в сковороду, спрашивает, где масло, а дед советует лучше на сале жарить.

Дед размечтался, шел и улыбался широко, прищуривался одобрительно, головой кивал... Мимо ног шальной душой пролетел Джек, Тимофей Степаныч вздрогнул испуганно и встал, а пес затормозил

всеми лапами и бросился назад. Извинялся, свинья. Напугал до смерти. Оборвал, видать, привязь. Дед не стал ругаться, он всегда брал пса с собой на рыбалку, а тут забыл. Хотя тот наверняка орал, как полоумный.

К обеду вернулся довольный. В трех местах хорошо прикормил рыбу для внуков. Пожевал чего-то на ходу, собаку привязал и рванул через озеро в Матюнино. Надо было дров организовать.

Еще со льда увидел, что у Кольки Железника в дворе трактора нет. Значит, и Кольки нет... В избы заходил с упавшим сердцем.

- Здорово, Наталья!
- Здорово, Тимофей Степаныч. – Наталья, круглая, тихо заплывающая жирком, мельком глянула, а сама от телевизора оторваться не может, едой сготовленной пахнет вкусно.
- Нету Николая-то?
- В Ломакине... машину ремонтируют.
- Когда будет?
- Не знаю, третий день чинят. А ты чего хотел?
- Да внуки ко мне приезжают... – не смог не похвастаться дед и нахмурился озабоченно.
- Ну-у? – не поняла Наталья.
- Мне бы дров телегу привезти, ребята бы перекололи, помочь едут...
- У тебя дров мало в лесу? Сами и напилят! – Наталья с удивлением оторвалась наконец от экрана, на котором какие-то родственники, чуть не мать с дочерью, орал друг на друга – вот-вот вцепятся, а сладкорожий ведущий довольно чему-то улыбался.

Деду прямо душно стало от этого телевизора, он, не попрощавшись, выскочил на свежий воздух. Дела были совсем плохи. Он недоволено потер щетину и решительно направился за деревню на лесную дорогу. До Ломакина было четыре километра.

Елки ссутулились под снежной тяжестью, опустили вечно поднятые свои руки. На дубах – где густо, где пусто, клоками лежало. Дед любил, когда лес хорошо укрыт. И теперь шел и любовался. «Эх, Господи, помог бы Ты мне нынче с дровами, – разговаривал вслух. – Ребята вернутся с рыбалки, баню затопят, дрова станут колоть в охоточку! Деду – помощь! Тимоха так и спросил: что помочь надо, дед?! Как хорошо! Тимофей Степаныч улыбался и прибавлял шаг. Он прямо видел, как аккуратно попиленные чурбачки-клячки встречают его внуков, он бы и сам с ними поколол за компанию.

Колька на промасленной и грязной картонке лежал под узиком, приподнятым на двух домкратах. Места там было мало, Кольке с его габаритами не по-

вернуться, да еще, видно, что-то у него не выходило, еле вызвал его из-под машины Тимофей Степаныч.

– Выжимной полетел. Все вроде сделали, утром поехали попробовать – выжимной! – объяснял Колька, выползая наружу.

– Да-а, – понимающе кивал Тимофей Степаныч. – Ты бы хоть фуфайку постелил, Коля!

Колька был человек небыстрый и задумчивый, и за глаза все его звали Коля Медлительный. Но без смеха, с уважением звали, потому что если у кого что ломалось – машина, телевизор, чайник электрический, – все несли или везли Коле. И он все делал. А когда до оплаты доходило, хмурился и говорил: «Да хрен ли там! Делов-то...» Хотя Наталья потом ругала маленько.

Коля тер друг об друга большие грязные ладони. Дышал в них, согревая. Нос его длинный посинел от холода и тоже был в солидоле, и лоб, и все лицо измарано. Фуфайка валялась рядом с машиной на снегу. Колька прикурил и задумчиво на нее глянул.

– Тесно в ней! – Он поерзал плечами, показывая, как тесно. – Да тут и делов-то...

– И когда закончишь? – Тимофей Степаныч уже чувствовал, что дров ему сегодня не видать.

– Да кто знает...

– Этот узик мне ровесник! – сказал дед с легкой досадой.

– Ну да?! – Колька недоверчиво покосился на деда. Он, видно, и медлительным был, потому что обдумывал все, что ему скажут.

– Точно!

– Ну и что? – Колька не понимал, к чему дед клонит.

– Его надо трактором зацепить да в овраг оттащить, а ты под ним третий день лежишь...

– Так тоже можно. – Колька не торопясь опустил на колени, лег на спину и начал налаживаться под узик. – Ты чего хотел-то, Тимофей Степаныч?

– Коля, друг, выручи, – присел к нему дед, – дровец бы мне привез. У меня кончаются, – неожиданно соврал. – Не хватит на зиму... – Конец фразы он проговорил совсем уж виноватой скороговоркой.

Николай, удивленный, высунулся наружу. Тимофей Степаныч не похож был сам на себя.

– У тебя там старых домов полно – попилил бы. А я как к тебе на тракторе, лед плохой нынче...

– Толстый лед, Коля, я бурил утром – метр!

– Ты чего это, Степаныч, иль я не на озере живу?! Не проеду! – И он окончательно заполз под машину.

– Тебе, Коля, этот узик дороже, чем старик.

– Он тоже старик, – с любовью и натугой донеслось снизу, и что-то заскрипело, откручиваясь. – А ты, дед, придумал чего-то, я не разберу...

Обиженный возвращался. За деревню не успел выйти – Витька-рыбачок подхватил на «жигулях». Дед поздоровался хмуро и сидел молча. Седой головой расстроено покачивал.

– Случилось что? – спросил Витька.

– Да так, – отмахнулся Тимофей Степаныч, – ни хрена страшного. Время есть еще...

Только перед тем как сойти, машина уже остановилась у поворота, спросил:

– Вот ты мне скажи. – Дед ехидно сощурился на Витьку-рыбачка. – Свежую березу, например, только что попиленную, звенящую, то же самое колоть, что старый трухляк?! А?!

Витька молчал, с недоумением глядя на деда.

– Вот! А я ему что говорю?!

В темноте уже домой пришел. Ужинать не стал. Печку протопил, чаю выпил и лег. Ноги гудели, спина стонала. Дед мысленно перебирал пролетевший день и был недоволен. Завтра уже ребята приедут, а у него конь не валялся. «Спать надо», – думал дед, но с расстройства не спалось, дрянь всякая в голову лезла. Мнилось назойливо, что звонит он Тимке: как, мол, дела? Собираетесь? А Тимка смеется весело и говорит, что пошутил! Как же пошутил, Тима? Да ты что, дед, шуток не понимаешь?! И еще веселее смеется... Дед с досады поворачивался на другой бок и, стиснув зубы, заставлял себя увидеть, как они приезжают.

Тимоха первый забежит, обхватит, сдавит деда: «Дедуня! Сто лет тебя не видел!» Степка, тот не так – тоже обнимется, молча прижмется, постоит, как теленок, прижавшись... Дед улыбается в темноте, лежит, задрав голову в потолок.

Так и не выспался. Под утро только заснул, и снилось ему, что они с Колькой всю ночь его гребанный узик чинили, а потом возили на нем дрова и скидывали перед домом. Такую гору навозили, что озера из окна не стало видно. Дед очнулся, сел, устало позевывая, и посмотрел в окно – озера и правда не видно, темно еще. Все тело поламывало. Он потянулся за валенком и, охнув, ухватился за спинку кровати. В спине будто что разошлось. Он попробовал разогнуться и не смог. Осторожно спустился на пол, на колени, покрутил головой. Голова крутилась.

Это могло быть и на неделю или больше, и этого нельзя было. Дед шарил рукой в тумбочке. У него еще было сильное обезболивающее, одну таблетку в сутки можно было пить. Нашупал длинненькую упаковку. Поднес к глазам. Две штучки. Задумался. Опять представились Тимка и особенно Степан, прижимающийся и поглаживающий деда по спине.

Обе таблетки съел. Хорошо разжевал. Ему надо было.

Минут через двадцать отпустило. Голова, правда, помутнела и плохо соображала, но про это он знал заранее, и это было неважно. Дед двигался осторожно. Поставил вариться рыбу для Джека, взял напильник и сел точить цепь от пилы, соображая, куда лучше пойти.

Еще не совсем рассвело, а он уже скрипел валенками по озеру. Здесь снега было меньше, подморозило хорошо, и он уверенно шел по насту. За спиной волоклись, подсакивая на замерзших кочках, большие самодельные санки с бензопилой. Дед с надеждой поглядывал на сероватое, белесое небо. Чувствовал, что к обеду разгуляется и солнце обязательно будет. Спину почти совсем отпустило, и дров можно было успеть напилить. Напилить и навозить.

Он не торопясь прошел с полкилометра – ничего подходящего по берегу не было, одни кусты в руку толщиной. Свернул было в одном месте в лес, но снег здесь был глубокий. Он постоял, хмуро соображая что-то, и решительно направился к дому – прямо во дворе, возле бани, росли две большие березы. Лавочка на них опиралась, гвоздь был вбит, на который он после бани мокрое полотенце вешал. Одну можно было спилить...

Через озеро что-то громко тарахтело, приближаясь. Дед шел и прикидывал, как лучше свалить дерево, чтобы не повредить баню. Какой-то черт на уазике с прогоревшим глушителем вывернулся из-за острова и лихо пер прямо по дедовой тропе к его дому. Орал на все округу. К нему иногда заикавали рыбаки за какой-то нуждой, но сейчас никого не хотелось... Уазик, увидев спешащего старика, свернул к нему. Это был Колька Железник.

– Здорово, Степаныч, садись... – Колька пытался перекричать своего монстра. Лицо грязное и довольное.

Дед посмотрел на санки, на пилу и махнул рукой – дойду, мол, рядом уже.

Когда дед подошел, Колька стоял возле длинной поленицы дров, забитой под завязку. Дед нахмурился, не зная, что тут можно сказать, голова после таблетки еще кружилась.

– Ты чего это, Тимофей Степаныч? У тебя тут на три зимы... – У Кольки хорошее настроение, это было видно. – А я чувю, что-то дед того... Видал, конь-то! Как новый! А ты – в овраг!

– Выхлоп, что ли, прогорел?

– Да его совсем нет. Сейчас поеду ставить... Дак ты чего с пилдой?

– Клячиков бы мне, Коля, десятка три. Внуки едут, чурбаки захотят поколоть, они любят... вот ходил, да...

Колька стоял раздумывая. Он всем окрестным старикам возил дрова. Пилил в лесу втихаря, грузил тракторную телегу – как раз четыре куба входило – и денег брал немного. Кто сколько мог, столько и платил. Но сейчас он думал не о деньгах.

Он не очень понимал, что все это значит. Поленица полная, а старый идет с санками за тяжелой лесиной, чтобы молодые могли поколоть... баловство как будто, да старик два дня уже с этим делом ходит... Ничего Колька не понимал, он никогда и не обсуждал поведение стариков – все они чокнутые уже малость, – и теперь просто думал, как помочь.

– Ты чего за спину держишься?

– Да я не держусь. – Дед опустил руку. – В ногу что-то постреливает.

– Ты, Тимофей Степаныч, иди домой, чайку поставь, а я съезжу. Тут у меня недалеко напильные есть... – Колька неторопливо полез в кабину.

Махом доехал до своего двора – рожа прямо светилась, как двигатель молотил! – загрузился чурбаками, подготовленными для колки, и поехал к старику. Наталья, удивленная, куда это муж повез дрова, так и осталась стоять на крыльце. Не доезжая до острова, уазик перегрелся и встал. Колька открыл капот, чтобы остывало, и, взяв на плечо чурбачок побольше, пошел пешком.

Дед затопил баню. Ходил, носил воду из озера. Дверь распахнута, дым выползал на улицу. Дед вылил воду в котел, вышел и увидел Кольку, тяжело подходившего с кряжистым березовым клячем на плече. Тимофей Степаныч поставил пустые ведра и устало сел на лавочку. Совесть скребла – ради чего мужика сорвал? Кому-то, может, и правда дрова нужны, а он тут...

– Заглох я, Степаныч, помпу новую надо, давай на санках перевозу, где тебе?

– Кидай здесь, Коля.

Дед оставил ведра под березой и поплелся за санками.

К машине шли вместе.

– Я, Коль, сам перетаскаю, ты поезжай, без помпы-то дотянешь?

– Перетаскаю...

– Нет. – Дед был решителен. – Сегодня мои приедут, пусть и таскают. Для них стараюсь...

– Надолго они?

– На два дня...

– Хе-х... на два дня, а ты их дрова колоть?! Они что же, правда, что ли, любят? – Сам Колька терпеть

не мог этого скучного деревянного дела, и дрова часто колола Наталья.

Дед не ответил. Он не знал. Ему, выжившему, видно, из ума, хотелось, чтобы они хоть что-нибудь любили в его деревне.

Колька завелся и уехал. Дед погрузил три чурбана на санки. Впрягся. Его поташнивало, и нехорошо было внутри. Чурбаков Колька привез много, и дед решил, пусть уж будет, как будет. «Перетаскают пачаны – хорошо, нет – сам потом перетаскаю».

Он разгрузился у бани, подбросил в печку и пошел прилечь...

Проснулся – темно в избе и холодно, утром забыл затопить. Дед чувствовал себя разбитым и одиноким, как никогда. Надел ушанку, валяющуюся рядом на табуретке, натянул на себя одеяло, лежал и думал: почему так? Отчего это он так старался все эти дни, бегом все... а теперь, когда ребята вот-вот, может, через полчаса, приедут, у него так пусто в душе... Ничего неохота было – приедут, не приедут... Подумал о чурбаках, валяющихся на озере и возле бани, о бане, где он не закрыл заслонку печки, и все тепло уже вытянуло...

Не приедут они, понял вдруг дед. Подумал даже укрыться тулупом и уснуть, да Джек голодно взлаял во дворе. Тимофей Степаныч нахмурился, осторожно сел в кровати. Спина ныла как следует. «Это теперь надолго», – пробормотал про себя, нашаривая клюку. Лампу зажег. «Парнишки мои... вот бы...» Дед поднял лампу, рассмотрел часы на стенке – девять. «В два собирались выехать ребята мои, не приедут уже...»

Покряхтывая, затопил печку, накормил пса, посмотрел в темноту озера: если бы ехали – видно было бы свет. Света не было. Одинокая луна висела над островом. Одна на все черное небо. Лес шумел. Меняется погода, рыба клевать не будет, может, и хорошо, что не приехали.

Он сел к окну, порезал кусок сала, подсохшую половинку ржаного хлеба, луковицу разрезал, подумал о чем-то и сходил в сени. С бутылкой вернулся. Открутил ей башку, налил по-старому, полстакан, поднял и увидел, как остров, неразличимый до того в темноте окна, просвечивается насквозь. Дед поставил стакан, прищурился, мурашки пошли всем телом, временами свет достигал берега – машина ехала к нему.

Дед, костеря себя на чем свет стоит, выскочил на крыльцо. Едут ребята! Господи, вот спасибо! Ой-ой-ой! У старика аж слезы навернулись, он погрозил им клюкой в темноту... Тимка! Степка! Заковылял в избу, качая на себя головой и сообра-

жая, чем же угощать, но не выдержал и вернулся на крыльцо. Замер, опираясь на клюку и прислушиваясь к странному звуку мотора...

Это был Колькин уазик. Хоть и сносило ветром, а по реву ясно было. Дед еще послушал – Колька едет, починил, значит. Он ушел в дом, сам все прислушивался, но машина не подъезжала, мотор вхолостую молотил где-то в темноте. Чурбаки грузит, понял дед. Он поставил вариться картошку в мундирах, спустился в подпол, набрал огурцов и капусты в миску.

Колька был с Натальей. Он сбрасывал дрова у бани, а Наталья с сумкой и еще с чем-то под мышкой вошла в дом.

- Здорово, Тимофей Степаныч, гостей не выгоняешь?
- Заходи, Наташа. – Дед шарил в темноте за печкой вторую лампу. – Починил Николай машину-то?
- Он их все время чинит... – Наталья поставила на стол бутылку, банку с красными и желтыми консервированными перцами, миску с блинами развернула из тряпья, попробовала толстыми пальцами – горячие, кастрюлю размотала с вареной картошкой.

Наталья была Кольке под стать, крупная женщина, делала все молча, уверенно и спокойно, как будто о чем-то думая. «Скучно ей в Матюanine. – Дед протирал от копоти стекло лампы. – Одна бабеха на всю деревню да две старухи негодные. Поговорить не с кем, вот и гоняет телевизор целыми днями».

Николай вошел. Он всегда входил, как будто стесняясь чего-то. Может, своих размеров или запаха соляры, пропитавшего его навсегда.

- Отметим, что ли, праздник, Тимофей Степаныч!

Выпили. Поели. Колька тут же зевать стал. Так, что рот ладонью не закрывался. Дед, уставший и тоже сонный, сидел, глядя в окно. Он и понимал, что нехорошо, но говорить ни о чем не хотелось. Наталья сгребла в таз грязную посуду, накопившуюся за три дня, забрала одну лампу и пошла мыть в сени. Рукомойником забрэнчала...

...Проводить вышел. Расслабленный, пьяненький, сел на крыльцо. «Хорошие вы ребята!» – думал, глядя, как Наталья забирается в машину. Уазик, светя одной фарой, жалобно подвизгивал, его кособочило до самой земли... «Что же ты, Господи, детишек им не дашь? – вздыхал дед. – Молодые, здоровье... с детишками-ребятишками хорошо. Вон у меня – двое внучат! Разве плохо?!»

Машина, далеко ощупывая ночное озеро узким желтым пучком, свернула за остров, и ее не стало видно.

БРАКОНЬЕРЫ

Енисей в своем среднем течении широк, а кажется, что не очень. Идешь серединой реки, вроде и берега рядом, но вот ухо ловит далекое гудение комарика – звук лодочного мотора, и, присмотревшись, видишь: едва различимой букашкой ползет моторка под высоким таежным берегом. Тогда как будто понятно – широк!

– Сколько же до нее? – спрашивает Василь Василич.

Он щурит вдаль волевое, не старое еще лицо, но все не видит лодку.

– Километра три, а может, и пять... – Николай Сергеич сидит за мотором.

Правый, гористый берег колет небо островерхими елками, левый – низменный, весь в тальниковых кудрях, до него так же далеко. Гладко и просторно.

Двое приятелей неделю уже путешествуют из Красноярска в Дудинку. Василь Василич – богач, хозяин известной строительной фирмы, Николай Сергеич держит небольшой рыболовный магазинчик в их родном Саратове. Они старшие корешки, Николай Сергеич помнит, как Василь Василич начинал свой бизнес – сам ползал с киянкой по саратовским крышам; а Василь Василич нет-нет да намекнет шутейно, кто дал Николай Сергеичу денег на открытие магазина. Обоим за пятьдесят, Василь Василич пониже и слегка пузат, а Николай Сергеич, напротив, высок и худ, но оба еще крепкие и оба заядлые рыбаки.

Идея проплыть весь Енисей пришла в голову Николай Сергеича, он же и снаряжение подобрал, Василь Василич финансировал мероприятие. И вот почти тысяча просторных енисейских километров остались за кормой их «надувной француженки», как они ее называли. И это была только середина маршрута.

Начинался приятный тихий вечер. Могучая река плавно и быстро несла красную лодку поперек великой страны к Северному Ледовитому океану. Гладко было по поверхности, только время от времени суводи вспучивались и расходились кривыми нервными кругами. Новый японский мотор ровно и негромко гудел сзади. В лодке аккуратно уложены палатка, спальники, посуда, немного продуктов – они принципиально ели только то, что ловили! – спиннинги, двести литров бензина в пластиковых канистрах.

Заря мягким небесным пожаром, набирая силу, разливалась по их широкой дороге.

– Вот так вот... – Василь Василич глядел на навигатор и указывал крепкой пятерней бывшего кровельщика на левый берег. – Приток неплохой вроде!

Лодка повернула нос и двинулась к невидимому отсюда устью речки.

Причалили. Тихая, метров сто ширины речка с песчаными берегами еле текла, вода в ней была

коричневато-желтая и, сливаясь с сильным и чистым Енисеем, выглядела грязной. Николай Сергеич взял свой спиннинг, прошел ближе к концу плотно намытого мыса и приготовился забросить, но поджидал Василь Василича. Тот задумчиво ковырялся в красивом ящике со множеством отделений. Некоторые блесны, завернутые в бархатные тряпочки, выглядели как новогодние игрушки. Здесь были мельхиоровые и даже серебряные блесны ручной работы, но то, что заманчиво смотрится на прилавке, часто совсем не нужно на реке. Блесна же должна нравиться рыбке, а не рыбаку...

Николай Сергеич не забрасывал, потому что и Василь Василич так же ждал бы товарища. Первый заброс бывает важный – главная рыба, хозяин здесьней воды может взять. Таймень или нельма, которую они пока не поймали, но очень хотели поймать, или большая щука на худой конец, их они поймали уже штук сто.

Забросили почти одновременно. «Шлюп! Блюп!» – ударились блесны о поверхность. У Николай Сергеича получилось неудачно, на мель попал, а у Василь Василича спиннинг согнулся сразу.

– Как будто ждала там с открытой пастью... – Василь Василич, довольно щерясь, не без труда подтягивал рыбу. Он предпочитал мощную снасть и всегда выводил силой.

Николай Сергеич же ловил на элегантный «ультра-лайт» с тонкой снастью. Неплохо, согласитесь, вытянуть десятикилограммовую щуку на леску, которую едва видишь.

– Что там? – не без зависти спрашивал Николай Сергеич, быстро подматывая пустую блесну по мели. Стая мелких, чуть больше ладони, окуней бежала за ней, атаковала на ходу, но не могла проглотить большой крючок.

– Щука, видно...

Это действительно была щука. Явно не рекордная, но они все равно взвесили. На семь с половиной килограмм потянула. Следом взяли еще пять-шесть более-менее приличных, но потом, как это всегда и бывало, начала хватать мелочовка на полтора-два кило. Они перешли на другую сторону косы и уже из Енисея выдернули с десятков крупных окуней и пяток красавцев-язей.

С последним трехкилограммовым язем, заглотившим тройник до кишок, Василь Василич намучился. И специальным пинцетом лазил в небольшой чуткий рот, и итальянским гибким отцепом пытался, и поводок в конце концов откусил, а все равно достал крюк с обрывком кишки. Положил окровавленного язя обратно в Енисей, язь ушел, но был уже не жилец.

Все, что ловили, они выпускали. Рыба была жирная, как и всякая другая рыба, обитающая в холодном Енисее. И вкусная. Они варили уху из окуней, из разносортницы, двойную, тройную... крутили котлеты из щук. Все это было привычно, они же ждали чего-нибудь особенного: нельму, чира, сига, осетра или стерлядь, наконец. Николай Сергеич подробно изучил на рыболовных сайтах, как поймать стерлядь на донку, но пока не получалось – крючки с наживкой немедленно хватала все те же горбатые и красивые окуни или крупная, в локоть, плотва.

Николай Сергеич сбросил скорость и раскрыл карту. Не слепящее уже алое солнце тонуло в кучерявые тальники левого берега, подсвечивая мягкую вечернюю дымку. Пора было присматривать место для ночлега. Рыбаки пили чай из термоса и лениво рассуждали, как бы поймать нельму или осетра. Они вообще, надо признаться, в этом рыбном эльдорадо расслабленно относились к рыбалке.

– Ну чего бы мы стали делать, попадись осетр на десять килограмм? – спрашивал Василь Василич.

– Отпустили бы, конечно, – кивал Николай Сергеич, и они с недоверием смотрели друг на друга.

– Ну хорошо... а если на двадцать?

– На двадцать отпустили бы. – Тут уж и Николай Сергеич не знал, что им делать с двадцатью килограммами осетрины.

Небольшой катерок, серая потертая дюралька без номеров, под 40-сильной «Ямахой», появился неожиданно. Николай Сергеич как раз карту рассматривал. За все их путешествие к ним никто не подъезжал, а тут моторка шла стороной и мимо, но как-то вдруг оказалась рядом. Николай Сергеич скосил глаза от карты – в катере было трое молодых парней лет по восемнадцать-двадцать – и слегка поморщился внутренне, Василь Василич тоже замолчал. Они были на надувной лодке среди большой безлюдной реки, и что за мысли в головах этих парней, было неясно.

Когда они собирались, многие советовали взять с собой оружие: там, мол, полно лагерных зон и зэков, осетровые браконьеры болтаются по всей реке, почитайте Астафьева – ничего не изменилось. Василь Василич только посмеивался, а Николай Сергеич, как ответственный организатор, думал на эту тему, не очень все же понимая, зачем им оружие. Оно как будто и понятно, вроде как на всякий случай, но когда представлял конкретнее... «Что, в людей стрелять?» – спрашивал Николай Сергеич. «Пусть будет...» – отвечали добрые люди.

Ружье в чехле лежало где-то под вещами. Оно так ни разу и не было заряжено, и рыбаки, за полпути

не встретив ни эков, ни браконьеров, о нем не помнили. Спокойно бросали лодку с вещами на берегу и шли в деревенский магазин за хлебом. И теперь вот было слегка неприятно, что кто-то подыхал. Без нужды. Как-то здесь на Енисее это не принято было.

Парни в лодке были крепкие. Двое светловолосые, похожи друг на друга, один за рулем, второй, в телогрейке на голое тело, на заднем сиденье, третий – в красной выгоревшей футболке – самый худой и бритый наголо. Этот стоял, опершись животом на стекло, рядом с рулевым.

- Здравствуйте! – Парни смотрели слегка настороженно, но спокойно.
- Здорово, ребята! – ответил Василь Василич.
- Рыбачите? – слегка извиняясь, что лезет не в свое дело, спросил бритый.

Он был вежлив. Он разговаривал с ними так же, как в дни их молодости они сами разговаривали со старшими. Это были такие забытые интонации и отношения, что Василь Василич с Николаем Сергеем невольно замерли, рассматривая парня. В нем вообще подозрительно много было хорошего: открытость смуглого лица, спокойный и прямой взгляд, никакого молодецкого гонора... и эта простая естественная вежливость к старшим.

- Мы не рыбинспекция, ребята, все нормально. Дурака тут валяем, в Дудинку идем, – пробасил Василь Василич, ему прямо неудобно было, что думал о них с опаской.
- Туристы, – понимающе улыбаясь, кивнул белобрысый за рулем.

Лодку сносило на красивый яркий борт «французенки», он включил заднюю скорость и тихо отошел, не коснувшись.

- Ну...
- Издалека?
- Из Саратова.
- А-а... а откуда идете?
- Из Красноярска.
- Понятно. – Бритый оглядел красивую надувную лодку и потер ладонью колючую голову. – Самолов проверять будем, хотите посмотреть?

Николай Сергееч быстро глянул на Василь Василича. Чего угодно можно было ожидать, но только не такого приглашения. Самоловы на красную рыбу были здесь самым серьезным браконьерством.

- Конечно... спасибо!
- Ну давайте, только не фотографируйте... – Рулевой, поглядывая в навигатор, отъехал совсем недалеко, и бритый, опустив на дно «кошку», стал ловить снасть.

Смысл самолова в том, что вдоль дна на тяжелых грузилах растягивается основная веревка – «хребтина», к которой подвязаны короткие, сантиметров по тридцать поводки с острейшими крючками. Крючки большие, снабжены поплавочками, поэтому они не лежат на дне, но болтаются на течении, всегда готовые зацепить проплывающую мимо рыбу. Чаше всего на эти крючки напарываются осетры и стерляди. Происходит это потому, что плавают они вдоль дна, изгибаясь всем телом, наподобие змеи, да и шкура их, без чешуи и шершавая, словно наждачная бумага, легко цепляет острый крючок.

Хлопцы тем временем несколько раз уже переехали, под разными углами избородили дно «кошкой», но все не могли зацепить.

- Что-то нет ничего, наверное, инспекция сняла, они тут ползали вчера. – Бритый был расстроен, виновато смотрел на мужиков. – У нас еще есть... – кивнул головой вверх по течению.
- Два километра, – добавил рулевой.
- Хотите? – Бритый смотрел почти просящее. – Рядом...

Николай Сергееч думал о чем-то, теребя седой небритый подбородок.

- Ну давайте, если недалеко...

Они опять двинулись за лодкой ребят. Не все тут было понятно. Можно было предположить, что пацаны просто хотят продать рыбы, но непохоже было. В них вообще не было ничего от «коммерсантов», лица открытые... скорее, им хотелось пообщаться, похвастаться перед городскими рыбаками, и это было так просто и непривычно, что даже настораживало.

На новом месте с первого раза зацепили «кошкой» снасть, бритый перелез на нос, надел перчатки и стал перебираться по «хребтине». Лодка развернулась против течения, парень перехватывал туго натянутую, вибрирующую веревку, ловко уворачиваясь от поводков с крючками. Крючки шли часто, какие-то были закручены вокруг «хребтины», он успевал крутануть их в обратную сторону, снимал зацепившиеся палочки и траву, а сам все перебирался по веревке, подтягивая лодку. Енисей здорово наваливался, временами нос лодки начинал уходить вбок и зарываться, и рыбак легко мог свалиться на свою же снасть, которая немедленно утянула бы его на дно...

- Рыбы все не было, пустые крючки болтались на фоне персикового закатного неба. Бритый подтягивал и подтягивал лодку, видно было, что спешит.
- Не гони, Саня, – буркнул белобрысый за рулем, он подрабатывал мотором против течения, стоило

ему чуть лишнего газануть, Саня оказался бы на крючках.

Второй белоголовый что-то распутывал в корме, наконец он освободился, сбросил телогрейку, обнажив худое мускулистое тело, и перебрался на переднее сиденье. Дотянувшись до «хребтины», стал страховать Саню. На боку, сразу под грудной клеткой, извивался кривой шрам со свежими еще следами шитья.

Вот веревка заиграла, видно было, как она вслед за рыбой то уходит в глубину, то поднимается к поверхности, рыбак радостно обернулся, глянув на гостей:

– Идет! Хороший! Крюк давай!

Николай Сергеич, опасаясь острых крючков, держался в стороне. В глубине что-то забелело, поднимаясь к поверхности, он подтолкнулся мотором поближе.

...Это была швабра с корабля. Целая, с длинной рукояткой. Измочаленные до белизны концы толстых канатов болтались в воде во все стороны, как щупальца осьминога, Саня склонился, выпутал крючки, швабра, медленно погружаясь, поплыла по течению.

– Кто-нибудь еще поймает! – Саня, улыбаясь, тянул снасть дальше.

Впереди неожиданно что-то заплескалось, он ловко выдернул на нос лодки крупную матово-серую стерлядь, отцепил и бросил внутрь. Рыба завозилась, застучала по борту. Вскоре снасть кончилась, Саня отпустил ее, и темная «хребтина», однообразно поигрывая светлыми поплавами, погружалась в глубину. Николай Сергеич подумал, что неплохо было бы купить у них пойманную стерлядь, и сошелся бортами.

– Ну как? – спросил Саня.

Вид у него был слегка гордый. Гордость, правда, была припрятана за мужскую серьезность и невозмутимость, но все же торчала здорово. И друзья его тоже посматривали с любопытством – как? Понравилось?

– Что с рукой? – спросил Василь Василич.

Саня правой рукой крепко зажимал ладонь левой, оттуда капало красным. Он отнял руку. С тыльной стороны мышца большого пальца здорово раздулась и посинела, из дырки, порванной крючком, лилась кровь.

– Да-а... – Он тряхнул рукой, кровь полосой ударила по воде, темные капли потекли по борту.

– Надо что-то... – обернулся Василь Василич к товарищу. – Пластырь далеко?

– Сейчас достану... – Николай Сергеич полез в шмотки за аптечкой.

– Да ну... – усмехнулся Саня, – все нормально. Это бывает... Вон у Юрки в прошлом году, покажь, Юрк?

– Да ладно... – Юрка, помогавший держать «хребтину», видимо, был старший из них.

– За бок вон сам себя поймал, прямо за мясо... – продолжил Саня, показывая на друга.

– Один за бок, другой за плечо, за телогрейку, – добавил, поворачиваясь к Сане, белобрыйсый рулевой, – да за локоть же еще, да, Юрк?

– И что делал? – спросил Василь Василич.

– Отцепился... – Юрка надел телогрейку, спрятав шрамы, и смотрел спокойно. Улыбался вежливо. Он, видно, тоже рад был, что отцепился тогда.

– Как же вышло? – Василь Василич представлял себе белобрыйсого Юрку, обцепленного крючками на скользком носу «казанки»... – В шторм?

– Качало... – кивнул Юрка, – да курносый попался нормальный.

– Килограмм тридцать, – подсказал брат.

– Ну... только сел, видно, да за самый хвост. Крюк сломался. – Он кивнул на большой крюк, которым цепляют рыбу. – Я обухом не дотянусь... еще крючков ему всадил, уже за жабру взялся, его лодкой ударило, он как рванет, «хребтину» из рук вырвал, чую, телогрейку с меня тянет через голову и за бок. – Он показал на порванный бок. – Не больно вроде, а отцепиться не могу, руки заняты.

– И как же? – У Василь Василича сын был того же возраста, даже похож.

– Обрезал...

– Ушел осетр? – пожалел Николай Сергеич.

– Нет, он крюками обвалялся, я его обухом и к борту привязал.

– Вся лодка в кровище, когда приехал, рубаха, штаны! – хвастался Саня за товарища, забывая про мужскую невозмутимость.

– И что же вы, каждый день так проверяете? – Василь Василич смотрел сурово.

– Ну...

– А если шторм хороший?

– Тогда дома сидим, – засмеялся весело Сашка.

Василь Василич представил себе этого енисейского парня в Саратове. На проспекте Кирова где-нибудь, в расслабленной молодежной тусовке. Такого крепкого, красивого, открытого. Он бы хорошо выделялся... Глянул на просторный Енисей – не вылезал он с проспектом Кирова.

– Проверяем все равно, – ответил Юра, – рыба киснет, если не проверять. Совсем уж когда шторм, тогда понятно...

– Ну, – подтвердил ясноглазый Санька.

- А хотите... – Юра показал вверх по течению, – там у нас еще пару штук стоят. Только далековато.
- Нет, ребят, спасибо, у нас бензину в обрез... не продадите улов?
- Ково? – не понял Саша.
- Стерлядь же вроде попалась... – замялся Николай Сергеич.

Двое белобрысых одновременно сунулись внутрь лодки, столкнувшись плечами, Юра разогнулся, держа за талию хвоста тяжело изгибающуюся остроносую и острохвостую рыбину. По ее серому боку текла вишневая кровь.

- Куда вам?
- А сколько в ней? – Николай Сергеич достал кошелек, он примерно знал цены.
- Да вы чего? – в один голос не согласились ребята, а Юрка бросил рыбину в лодку мужиков.

Стерлядь заелозила на плоском пузе, пачкая кровью белое дно.

- Возьмите денег, – не согласился уже Василь Василич, одной рукой удерживая лодку, другой успокаивал стерлядь. В рыбине было не меньше пяти килограмм.
- Да ну вас! – Сашка распрямылся на носу, улыбаясь. – Все в дороге бываем, чего уж тут... Давайте, счастливо вам добраться, а то нам еще проверять.
- Ну давайте. Спасибо. Осторожнее!

Василь Василич протянул руку рулевому, потом Саше и Юре, Николай Сергеич тоже жал крепкие загорелые руки, перекрещиваясь с Василь Василичем. Лодки разошлись, улыбчивый рулевой, имени которого они не знали, аккуратно сдал назад, Саша перешагнул через стекло на переднее сиденье и сел к ним третьим. Лодка, взревев мотором и приподняв борт, развернулась на месте и рванула вверх. Они еще по разу обернулись и махнули.

Вечером путешественники сидели у костра. Закат догорал. Небо было светлое, белые ночи еще чувствовались, где-то невидимо гудел мотор. Затихал на время, потом его снова заводили. Скорее всего, рыбаки проверяли снасти или сети. Может, и пацаны. Уха неторопливо кипела, котел был переполнен кусками жирной стерляди, юшка нет-нет да выскакивала через край и тонкими струйками высыхала на закопченном боку котла. Побелевший стерляжий нос остро торчал из середки. Николай Сергеич снимал пенку ложкой и сплескивал в кусты.

Столик был накрыт на клееночке рядом, рюмки, бутылка початая поблескивали желтыми бликами костра, свежие помидорчики-огурчики, литровая банка с черной икрой...

Василь Василич лежал на коврике возле и, подперев голову рукой, глядел в огонь. Повернулся вдруг к товарищу:

- Странно! Мы с тобой ради развлечения куче рыбы жабры да рты порвали, и ничего, мы после этого – спортсмены. А они на еду да ради небольших денег ловят. И они – браконьеры...

Николай Сергеич аккуратно снял тяжелый котел, поставил на песок возле костра, дров подбросил и стал разливать водку. Огонь примолк на время, потом затрещало, затрещало, к небу полетели искры. Енисей не было слышно, им только пахло сыро сквозь запах дыма.

